

Максимов Сергей Васильевич

Сибирь и каторга

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Васильевич М.**
Сибирь и каторга: Часть 1 / Максимов Сергей Васильевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 464 с.

ISBN 978-5-519-94919-4

ISBN 978-5-519-94919-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Что такое несчастные?—Рѣшеніе причинъ заглавія настоящаго сочиненія.—Историческая картина препровожденія ссыльных въ Сибирь. — Знаменитый расколоучитель протопопъ Аввакумъ и его дорожныя страданія отъ Москвы до Амура: сплавъ по сибирскимъ рѣкамъ; истязанія отъ приставовъ; незловіе и терпѣніе; картина плаванія по Ангартъ; странствія за Байкаломъ; жизнь въ Нерчинскъ; протопопица Настасья; возвращеніе.—Каторжныя мѣста въ Россіи; окрайны; крѣпости; галеры.—Начало ссылки въ Сибирь.—Учотъ ссыльныхъ.—Неурядицы и путанница этого дѣла.—Утеклецы.—Канатъ.—Способы препровожденія ссыльныхъ.—Сперанскій.—Довановъ—Желѣзные прутья.—Цѣпь.—Приказъ о ссыльныхъ.—Уставъ о ссыльныхъ.—Алфавиты.—Замѣна пѣшаго хожденія ссыльныхъ.—Нововведенія современные.—Историческій фургоны.

Пока не произведены были коренныя преобразованія въ нашемъ судопроизводствѣ, вопросъ о мѣстахъ заключенія подсудимыхъ и осужденныхъ путался въ грудѣ другихъ рядовыхъ вопросовъ. Ради его, временами предпринимались кое-какія измѣненія, временами производились улучшенія, но все это не въ систематическомъ порядкѣ, не въ цѣломъ видѣ, а только частимъ; вообще же вопросъ этотъ стоялъ весьма далеко назадъ, не смотря на то, что требовалъ самаго сосредоточеннаго вниманія. Тюремный бытъ, своимъ крайнимъ несовершенствомъ, настоятельно вызывалъ о помощи и требовалъ коренной переработки.

Литература наша, какъ и всегда по всѣхъ жизненныхъ нашихъ вопросахъ, не оставалась и на этотъ разъ глухою и равнодушною къ тѣмъ воплямъ, которые ясно, но робко доносились изъ всѣхъ

мѣсть заточеній, со всѣхъ пунктовъ ссыльныхъ поселеній. Литература не прикидывалась слѣпою или не желающею вѣдать такіа дѣла за недосугомъ и многосторонними сложными занятіями, при видѣ имѣть весьма остраго свойства и заразительныхъ признаковъ. Лѣтъ восемь-десять тому назадъ, вопросъ о ссыльныхъ и тюрьмахъ шепелявилъ общественный интересъ, возбуждая вниманіе и участіе съ достаточною силою и настойчивостью при содѣйствіи литературныхъ трудовъ, разбросанныхъ почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Съ тѣхъ поръ, вопросъ о тюрьмахъ и ссыльныхъ остался въ архивныхъ дѣлахъ, какъ будто бы и онъ изъ разряда тѣхъ, которые рѣшены окончательно и потому перестали занимать объ заинтересованныя стороны.

Съ перемѣною системы уголовного судопроизводства и преобразованіями въ нашей карательной системѣ, всѣ прежнія подозрѣнія должны исчезнуть сами собою. Теперь очевидна насущная и неизбывная надобность вести оба дѣла рука объ руку: съ измѣненіемъ карательной системы сдѣлалось спящимъ и неотложнымъ долгомъ коренное измѣненіе системы тюремъ и ссылки. Въ далекомъ и близкомъ прошедшемъ для насъ довольно образцовъ для того, чтобы не дѣлать крупныхъ промаховъ и не утѣшаться наружнымъ блескомъ и лоскомъ того, что внутри прогнило насквозь, и— стало быть—никуда не годится.

Новая реформа, пушенная уже въ ходъ, не позволитъ теперь прибѣгать къ поверхностнымъ измѣненіямъ изъ-за одного хвостовства и, для очистки совѣсти, вырабатывать только казовые концы: пымъ заплатамъ, хотя бы и изъ иностранныхъ матерій, на ветхомъ рубищѣ уже и не удержаться теперь. Судебная реформа слишкомъ глубоко выѣдрлется въ нашу молодую, воспримчивую и плодотворную почву, кореннымъ образомъ переработываетъ все ветхое зданіе старыхъ пріемовъ и порядковъ, и весь старый судъ. Волчецамъ и терніямъ расти тутъ не мѣсто: они могутъ только глушить псоходы и мѣшать росту молодыхъ побѣговъ. Система заключеній и ссылки только тогда не станетъ бить въкосъ и въ сторону, когда всѣми голосами начнетъ вторить здоровымъ и сильнымъ мотивамъ новаго и молодого двигателя и дѣтеля. На это у насъ имѣется много оснований

для надеждъ; много данныхъ для того, чтобы не грѣшить больше противъ требованій духа времени и человѣколюбія.

Преобразованіе нашего уголовного судопроизводства сдѣлахо необходимымъ пересмотръ уложенія о наказаніяхъ, которое съ одной стороны мѣшаетъ суду смягчать наказаніе нѣсколькими степенями (по вновь предоставленному ему праву), — съ другой, оставаясь при устарѣлыхъ взглядахъ и понятіяхъ, не всегда точно и прямо можетъ опредѣлить подлежащую мѣру высканія и сознательно успокоиться на томъ, что такое-то наказаніе легче, другое тяжелѣе. Такъ напримѣръ, въ силу благопріятно-сложившихся обстоятельствъ (о которыхъ мы подробно расскажемъ ниже) заключеніе въ арестантскихъ ротахъ гражданского вѣдомства сдѣлалось легче, чѣмъ заключеніе въ рабочихъ ротахъ военнаго вѣдомства, — между тѣмъ первое заключеніе, по уложенію, полагается высшимъ исправительнымъ наказаніемъ. Точно также подлежитъ большому сомнѣнію и то, чтобы рудниковыя каторжныя работы, производимыя по требованіемъ и указаніямъ правильной науки, могли продолжаться на прежнемъ суровомъ положеніи въ рукахъ людей, получающихъ гуманное образованіе въ средѣ цивилизованнаго общества. Мы имѣемъ много данныхъ для того, чтобы видѣть гораздо большую тяжесть наказанія для тѣхъ преступниковъ, которыхъ судьба ввѣрена людямъ, менѣе умягченнымъ воспитаніемъ, и которыхъ трудъ и работа подчиняются не законамъ науки, а произволу, Сибирскія арестантскія роты и, между ними, Очская крѣпостная (нашедшая такого талантливаго бытописателя, какъ авторъ «Мертваго Дома») являются въ несравненно болѣе суровой и болѣе грозной формѣ, чѣмъ, наприм., всѣ рудники, промыслы и заводы Перчинскаго горнаго округа. Между тѣмъ, работы на рудникахъ и промыслахъ перчинскихъ, управляемыхъ горными офицерами, назначались для каторжныхъ 1-го разряда, а сибирскія арестантскія рабочія роты, дозиращыя военными офицерами, считаются во 2-мъ разрядѣ наравнѣ съ заводами, надзоръ за которыми ввѣрляется гражданскимъ чиновникамъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ послѣднее время системы примѣненія труда ссыльных на мѣстахъ изгнанія подвергались сильнымъ измѣненіямъ, и трудъ направлялся совсѣмъ не въ ту сторону и шолъ не по тому назначенію,

на которое падѣлся и указалъ судъ. Назначалась ссылка въ рудники въ то время, когда ни одинъ изъ нихъ не дѣйствовалъ по прежнимъ пріемамъ, а на большую половину они стояли жалитыя водою — только на самую малую часть рудники разрабатывались по системѣ вольно-наемнаго труда свободными людьми, сибирскими старожилами. Самый способъ содержанія и обращенія съ ссыльно-каторжными въ послѣднее время измѣнился противъ прежняго, но не установился въ опредѣленную и желаемую форму: онъ былъ смягченъ въ одно время и вдругъ снова началъ стремиться къ болѣе крутымъ и строгимъ мѣрамъ. Послѣдовательнаго, развѣ выработаннаго и установленнаго взгляда на это дѣло не стало: отъ личнаго характера лицъ и отъ уровня ихъ міросозерцанія зависѣло то, на что силится имѣть прямое и непосредственное вліяніе коренныя государственныя узаконенія.

Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что въ настоящее время достаточно смягчился взглядъ на преступленія и преступниковъ въ общемъ сознаніи всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Особенно рельефно и законченно выразился это въ наши дни въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, въ ихъ взглядѣ на преступленія и на степени возмездія за нихъ, и мы думаемъ, что источникъ подобнаго явленія вытекаетъ непосредственно изъ народной почвы. Въ этомъ отношеніи выборные отъ общества не въ разладѣ съ нимъ.

Слово *колодникъ*, какъ эпитетъ ссыльнаго, исчезаетъ изъ народнаго употребленія, ослабѣвши въ своемъ значеніи, какъ извѣстно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда исчезло на Руси то орудіе наказанія, которое дало свое имя великому преступнику ссыльному и не ссыльному. Иноземное слово *арестантъ* до сихъ поръ остается только въ казенныхъ бумагахъ и на языкѣ официальныхъ лицъ; въ народѣ оно не ушло. Народъ упорно стоитъ противъ этого названія, какъ упорно не соглашается всякаго ссыльнаго признавать *преступникомъ*. И это слово онъ не принимаетъ въ свой языкъ, не умѣя осмыслить его для себя въ своемъ мягкомъ сердцѣ. Великаго преступника, идущаго въ тюрьму, въ ссылку, на поселеніе, на каторгу, нашъ народъ нездѣ (и въ Россіи и по Сибирѣ) называетъ «*несчастливымъ*».

Насколько это слово вѣрно, и какъ видѣнъ въ томъ протестъ

противъ отживающаго свой дѣлъ стараго суда, на сколько его можно примѣнить къ русскимъ преступникамъ, на сколько, наконецъ, оно имѣетъ право гражданства передъ всѣми другими, ему односторонними—мы рѣшились объяснить то рядомъ разсказовъ.

Разказы эти—плодъ личныхъ нашихъ наблюденій надъ бытомъ ссыльныхъ въ Сибирь, по дорогѣ съ Амура. Наблюденіями этими мы хотѣли бы внести и свою посильную лепту въ число тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ по частямъ начали создавать новое зданіе тюремной системы. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе своевременнымъ, что и некоторые казенныя учрежденія (морское и военное министерства) озаботились уже устройствомъ такихъ тюремъ, до которыхъ доработалась Европа, руководимая началами цивилизаціи и гуманности. Третье ведомство (министерство Внутр. Дѣлъ) успѣло уже собрать краткія свѣдѣнія о состояніи тюремнаго дѣла въ Россіи, но не произвело еще наблюденій надъ сибирскими тюрьмами и не проверило способа колонизаціи Сибирскаго края ссыльными преступниками. Этотъ-то именно пробѣлъ мы желали бы отчасти дополнить и, до некоторой степени, принять участіе и въ загрузковкѣ другого пробѣла: до сихъ поръ изучалось, съ болѣею настойчивостію и вниманіемъ, тюремное дѣло только за границей. Наши домашнія дѣла оставались на заднемъ дальномъ планѣ и порождаютъ ироитіе опасеній, что зданіе, сооружаемое на неведомой почвѣ, можетъ простоять только некоторое время и потомъ снова потребовать уже не ремонта, а коренной перестройки. Примѣръ подобной неудачи у всѣхъ насъ на памяти.

Еще Екатерина II прилагала не мало заботъ къ тому, чтобы устройство мѣстъ заточенія производилось по началамъ христіанскаго человеколюбія. Одинъ изъ ея указовъ предписываетъ, чтобы тюрьмы были расположены въ городоѣ, на мѣстахъ здоровыхъ и открытыхъ, чтобы при каждой тюрьмѣ была больница, откуда арестантъ выходилъ бы не иначе, какъ по совершенномъ излеченіи, и проч., и проч. Законъ желаетъ, чтобы соблюдалось строгое отдѣленіе мужчинъ и женщинъ, признаетъ справедливость различать способы обращенія съ заподозренными и обвиненными. Постановленіе это Екатерина разослала ко всѣмъ губернаторамъ съ приказаніемъ при-

нести его въ исполненіе по всѣмъ подвѣдомымъ мѣстамъ. Но повиновеніе закону было пустымъ словомъ, а произволъ мелкихъ чиновниковъ могъ безразсудно воспротивиться Высочайшей волѣ, и этотъ законъ оставленъ былъ безъ исполненія: тюрьмы продолжали быть нездоровыми и находиться подъ дурнымъ надзоромъ. Между тѣмъ исправленіе тюремъ производилось по указаніямъ знаменитаго друга человѣчества: самъ Джонъ Говардъ, изобрѣтатель пенитенціарныхъ тюремъ, лично осматривалъ наши тюрьмы (и даже умеръ въ Россіи, при посѣщеніи больныхъ въ Херсонѣ, въ 1790 году).

Императоръ Александръ I, слѣдовавшій по стопамъ своей бабки, и успѣвшій придать сильное движеніе многимъ начинаніямъ во имя христіанской любви и благотворительности, поддерживалъ планы Екатерины и по отношенію къ тюремному дѣлу. Въ 1819 году образовано было, подъ предѣдательствомъ князя Голицына, особое благотворительное общество съ исключительною цѣлю улучшить положеніе заключенныхъ. Работы общества обнаружили добрыя намѣренія и повели къ широкому развитію основной мысли: къ повсемѣстному образованію попечительныхъ тюремныхъ комитетовъ, прожившихъ уже полвѣка и доставшихся въ послѣдіе и нашимъ временамъ. Настоящее строгое время, преимущественно съ практическимъ дѣловымъ отѣткомъ, потребуетъ отъ нихъ новыхъ задачъ и иной службы, сознательнѣе и прямѣе направленной къ цѣли. Нашему времени, послѣ извѣданныхъ неудачъ, уже не приходится удовлетворять себя призрачнымъ существованіемъ такого дѣла, которое непосредственно должно направляться къ опредѣленнымъ и практическимъ цѣлямъ. Теперь нельзя принимать за жизненной фактъ то учрежденіе, которое не сумѣло въ такой долгій срокъ выказать, при живучести, разумное проявленіе жизни. Теперь уже нельзя оправдаться тѣмъ, что въ Россіи, у русскихъ, не достаетъ единомыслія и согласнаго расположенія умовъ, которыя абсолютно необходимы для того, чтобы благопріятствовать успѣхамъ полезныхъ учреждений, и безъ которыхъ лучшія начинанія слабѣютъ и не разрабатываются съ подобающимъ стараніемъ...

Повторить старыя ошибки можно только намѣренно, и несомнѣненно успѣхъ въ такомъ случаѣ, когда будутъ добросовѣстно органи-

званы правила для дѣйствій и къ данной цѣли исправленія тюремнаго быта согласно направлены будутъ объ дѣйствительныя силы, изъ которыхъ одна — благотворительность — громадна, другая — сознательное состраданіе къ павшимъ въ порокъ и преступленіе — начинается ясно обнаруживаться по всѣхъ слояхъ общества. Исключенія изъ общаго правила, уклоненія отъ коренныхъ свойствъ народнаго характера на столько стали теперь незначительны и мелки, что, намѣренпо уступая имъ мѣсто въ послѣдующихъ статьяхъ, мы увѣрены въ ихъ скоромъ исчезновеніи. Онѣ ищутъ уже свою лебединую рѣчку; онѣ ни что иное, какъ послѣдній остатокъ стариинной рутины, достаившейся въ наслѣдіе отъ прадѣдовъ, и разгудивающій по бѣлуспѣту, безъ дозволенія общества, до перваго рѣшительнаго запрещенія. Надо только рѣшиться подумать, смѣло приступить и порѣшиться нимъ разъ и навсегда.

Въ тѣ времена, когда древніе русскіе люди въ безсиліи умственнымъ допытывались правды на дыбѣхъ, огнемъ, пододъ, вбиваніемъ *подъ ногти* гвоздей (для уразумѣнія *подноготной*), битьемъ палками, прутьями: *длинниками* (для узнанія подлинной) и встрясками, въ тѣ суровыя времена выродились суровыя отношенія къ людямъ, погрѣшившимъ противу закона и общества, и лишоннымъ свободы. Въ старыхъ заветнавшихъ и загнившихъ архивахъ, мы находимъ имъ начало, а личные наши наблюденія позволяютъ намъ видѣть ихъ конецъ въ широкомъ значеніи этого слова. Долговременная борьба врака со смѣтомъ кончается, нравы умягчились; взгляды на страданія стали шире, и участіе къ страдальцамъ изъ пассивнаго чувства перешло въ сознательное.

Останавливаемся на преступникахъ и беремъ ихъ въ то время, когда они признаны таковыми по суду и, лишонные права жить на родинѣ, идутъ пріобрѣтать новую и знакомиться съ нею на правахъ подневольныхъ путниковъ, ссыльныхъ.

До нашихъ личныхъ наблюденій вспомнимъ однако про старое въ короткихъ словахъ, уже и потому, что матеріалы архивныя по вопросу о препровожденіи ссыльныхъ замѣчательно скудны. Сильнѣе и

характериѣ другихъ говоритъ за всѣхъ извѣстный историческій страдалецъ протопопъ Аввакумъ Пстровичъ,—одинъ изъ энергическихъ дѣятелей во время смуты, происшедшихъ по поводу исправленія церковныхъ книгъ при царѣ Алексѣѣ и патриархѣ Никонѣ. Извѣстія его тѣмъ и важны, что относится къ тѣмъ первымъ временамъ, когда Сибирь укрѣпилась за Россіей въ достаточной мѣрѣ, до того, что правительство, уже признавая ее своею, назначило мѣстою ссылки преступниковъ. Значеніе всѣхъ тѣхъ отдаленныхъ укрѣпленій, каковыми считались всѣ мѣста, лежащія по сѣвернымъ и южнымъ окраинамъ Московскаго государства по сю-сторону Уральскаго хребта, начинало уже ослабѣвать, и Сибирскія страны стали казаться болѣе удобными для ссыльныхъ людей, чѣмъ, напр., степныя мѣста пышнѣйшихъ губерній: Тульской, Орловской, Тамбовской, и сѣверныя страны: пермскія, козльскія, устюжскія и другія. Ссылка въ Сибирь въ XVII вѣкѣ сохраняла значеніе колонизаціи новой и обширной страны. Тогдашнее законодательство иначе и не понимало ее, къ другимъ цѣлямъ и не стремилось по отношенію ко всѣмъ преступникамъ, исключая только ссыльныхъ за государственныя преступленія лицъ, которымъ судило тюрьму и только въ исключительныхъ случаяхъ сожало на пашню. Всѣхъ другихъ ссылали за тѣмъ, чтобы посадить на пашню,—выдавали хлѣбъ на посѣвъ и лошадей, стало быть и исторія ссылки въ Сибирь начинается исторією поселеній. Начало исторіи каторги въ значеніи Сибири, какъ каторжнаго мѣста, принадлежитъ отчасти концу прошлаго вѣка и въ настоящемъ вѣкѣ она продолжалась и выразилась въ наиболѣе характерныхъ и опредѣленныхъ чертахъ. Въ прошломъ вѣкѣ каторга была въ Россіи. Петръ понималъ ссыльныхъ преступниковъ, какъ даровую рабочую силу и поснѣшилъ приложить ее къ постройкѣ крѣпостей. Онъ создалъ галерную, каторжную работу въ настоящемъ ея значеніи и прилагивалъ ее вездѣ, гдѣ надобились ему галерныя, земляныя и иные крѣпостныя работы. Азовъ былъ первымъ каторжнымъ мѣстомъ: сюда Петръ ссылалъ колодниковъ изъ всѣхъ мѣстъ и уже не отправлялъ ихъ болѣе въ Сибирь. Когда въ 1709 г. Азовъ возвращенъ былъ Турціи, Петръ съ тою же хлопотливостію и настойчивостію сталъ учреждать каторжныя работы и прииспосылать силы ссыльныхъ

на другомъ мѣстѣ и на другомъ морѣ: образовалась каторга въ Петербургѣ, въ Рогервикѣ (нынѣшномъ Балтійскомъ портѣ), въ Шлиссельбургѣ. Въ Петербургѣ Петръ требовалъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ; въ Рогервикѣ-старовѣровъ за бороду, не желающихъ брить ее или платить штрафы и обязанныхъ такимъ образомъ зарабатывать на нее право. При Аннѣ продолжали строить гавань, при Елисаветѣ начали ссылатъ сюда и самыхъ тяжкихъ преступниковъ; когда кончена была гавань (въ 1767 г.), тогда прекратилась и ссылка. Не прекратились каторжные работы въ Россіи и слабо поддерживались и въ Сибири во все продолженіе XVIII столѣтія, руководимыя начинаніями и затѣями Петра. Постепенно измѣнились каторжные пункты и основывались сообразно приобрѣтеніямъ новыхъ земель и въ соответствии требованій укрѣпленческихъ пунктовъ на границахъ: съ 1736 г. начали ссылатъ въ Оренбургскій край для постройки крѣпостей: Оренбургской, Орской, Троицкой, Илецкой защиты (на послѣднюю для добычи соли *). Въ концѣ прошлаго столѣтія понадобились укрѣпленія на днѣпровской линіи и каторжные для постройки крѣпостей: св. Димитрія (Ростова на Дону), Новоалександровска, Таганрога и снова Азова. Ссылка сюда потомъ ограничена, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія совсѣмъ прекращена. Поочередно Кроштадтъ, Астрахань **), Феодосіа, Херсонъ, Одесса, Копенгага и Рига, и проч., служили въ прошломъ вѣкѣ соблазнами, отвлекавшими взоры правительства отъ Сибири, гдѣ представлялись благонадежными только Охотскъ съ Камчатскими портами. Смоленская губ. отдавала своихъ отцепенцовъ въ Херсонъ, Пскова, Могилевская и Олонекская — въ Ригу (на водныя работы), Ярослав. и Вологодская — въ Козу, и проч. Только Сибирск., Оренбург. и Астраханская отирали изъ Сибири. Только въ концѣ XVIII вѣка, когда почувствовалась для Сибири необходимость въ работахъ, устоявшаяся съ открытіемъ горныхъ заводовъ и золотыхъ рудниковъ въ Екатеринбургѣ и съ основаніемъ фабрикъ въ Сибири (однако господ-

*) На Илецкѣ, на соляной промышленности, посылали соляныхъ ошело въ 1836 г.

**) Въ Астрахань ссылали на селитряныя (красноярскія) заводы.

сихъ фабричныхъ ссылали въ Камчатку), — пошли въ Сибирь по указамъ: солдаты за побѣги, пийціе, бродяги, членовредители, а съ отмѣною смертной казни стали приговаривать всѣхъ тѣхъ, которыхъ освобождали отъ смерти. Въ 1762 г. дозволили владѣльцамъ крестьянъ, по собственному усмотрѣнію отправлять въ губернскія канцеляріи для отправки въ Сибирь, съ зачетомъ за рекрута, съ жонами и дѣтьми. Ссылались такимъ образомъ преступники маловажные съ тою же цѣлю водворенія на пашнѣ, къ какой началъ стремиться еще XVII вѣкъ.

Въ уложеніи цари Алексѣя впервые упоминается о ссылкѣ въ Сибирь тѣхъ, которые самовольно приписались къ разнымъ владѣльцамъ, будучи тяглыми московскими и городскими посадскими людьми. Два послѣдующіе за Уложеніемъ указа отмѣняли смертную казнь для воровъ и разбойниковъ и для денежнаго дѣла воровъ и мастеровъ. Ихъ велѣно бить кнутомъ съ отсѣченіемъ перста у лѣвой руки и ссылатъ въ сибирскіе помѣстные и крайніе города на черту съ жонами и дѣтьми на вѣчное житіе. Тогда же велѣно ихъ было устранивать на пашню. Съ 1669 г. стали ссылатъ безразлично и тѣхъ бродягъ, которые пойманы на воровствѣ и тѣхъ лицъ, которые найдутъ лошадью на беременную женщину и, хотя не убьютъ ее, а только причинятъ выкидышъ. Стали ссылатъ въ Сибирь, укрывателей воровъ, перекупней краденыхъ вещей, подозрѣваемыхъ въ разбоѣ, и проч.

Въ 1634 году, царь Ѳеодоръ указалъ всѣхъ «воровъ, которые пойманы будутъ и которымъ за ихъ воровство доведется чинить казнь: сѣчь руки и ноги и тѣмъ ворахъ рукъ и ногъ и двухъ пальцевъ не сѣчь, а ссылатъ ихъ въ Сибирь на пашню, съ жонами и дѣтьми, на вѣчное житіе». Ссылка въ крайніе города такимъ образомъ окончательно замѣнена ссылкой въ Сибирь. Даны были кое-какія правила для препровожденія ссыльныхъ и распределенія ихъ на работы въ Тюмени. Назначены наказанія бѣжавшимъ съ мѣстъ ссылки; начата постройка тюремъ. Въ слѣдующемъ году указъ этотъ былъ пополненъ, а новый указъ 1683 года указывалъ только, вмѣсто пальцевъ и рукъ, рѣзать уши. Это произошло при совмѣстномъ царствованіи двухъ братьевъ Петра и Іоанна; но когда Петръ сдѣлался единовластнымъ правителемъ и былъ увлеченъ желаніемъ закрѣпить границы